

Sergei Kuznetsov

November 8, 1994

Е.Д.: Сегодня твой день рождения. Ну что ж, расскажи для начала о своих предках.

С.К.: Отец мой из крестьян. Его дед, то есть мой прадед, был богатый крестьянин. По семейной легенде, он вовремя умер - где-то в году восемнадцатом.

Е.Д.: До того, как его раскулачили.

С.К.: Да. И по семейной легенде, когда он лежал в гробу, за ним пришли.

Е.Д.: Где это все было?

С.К.: Где-то в районе Ржева. Он нажил там большие деньги, держал трактир, торговлю – я точно не знаю. Мой дед по отцу – это его старший сын – был инженером –путейцем, если я правильно помню. А мой отец стал авиационным инженером. В годы войны он из Бауманского института перевелся в академию Жуковского. После того, как он ее закончил, он на фронте был в роли инженера аэродромного обслуживания, в боевых действиях не участвовал и остался в живых.

По линии своей мамы я знаю больше. Ее отец, то есть мой дед - на половину поляк – происходит из какой-то мелкопоместной семьи. Но поместье это было пропито моим прадедом еще до революции. Я помню прекрасно, как собирались сестры моего деда. У него было четыре сестры. Они страшно переживали, что поместье пропало. Вспоминали, какое оно было замечательное. Очень было любопытно на это смотреть. Но может быть и слава Богу, что оно было пропито. Потому что, когда пришла революция, мой дед по крайней мере в этом был чист. Всю свою жизнь он проработал статистиком в министерстве внешней торговли, занимая достаточно скромные посты. Он был беспартийным и верующим. Но как-то уцелел. Он вышел на пенсию в 1955 году.

Е.Д.: Это отец твоей матери.

С.К.: Да. А мать моей матери- моя бабушка - дочь священника. Ее отец умер очень молодым, оставив трех сирот после себя. Они не успели закончить

образование до революции Они родом из Ставрополя. Все мое старшее поколение дожило до глубоких лет за исключением дедушки, который умер в 80 лет от рака в 68 году, Все остальные умерли, когда им было за 90 лет. Моя мама родилась в 19-ом году. Она – старшая дочь. Еще был брат, который погиб на войне, пропал без вести. Она сама потеряла на войне первого мужа. А с моим отцом она училась в одной школе, в одном классе. Мой брат родился в 46-ом, а я в 50-ом. Так что мне сегодня 44 года.

Е.Д.: С какого возраста ты себя помнишь?

С.К.: Я помню себя очень обрывочно. Я прекрасно помню комнату, которая реально существует до сих пор, комната в квартире, где мы сейчас живем. Был какой-то праздник. Я подхожу к столу и не вижу, что стоит на столе, потому что я мал ростом. И как я сейчас понимаю, после опыта воспитания троих детей, это означает, что мне где-то в районе полутора лет. Больше из этого возраста я не помню ничего. Более или менее устойчиво я помню себя лет с семи, когда я пошел в школу.

Е.Д.: И ты был хорошим учеником?

С.К.: Лучше, чем мои дети.

Е.Д.: Теперь расскажи про Вторую школу, про Вечернюю математическую школу.

С.К.: Это, конечно, был революционный момент в моей жизни. Я уж не знаю каким образом, мои родители узнали о существовании Вечерней школы – это 63 год. И вот очень издалека, из района Динамо до нынешнего универмага Москва – это было больше часа пути, мы раз в неделю начали ездить в эту школу - большой компанией в сопровождении кого-то из родителей. Это был для меня новый мир. Абсолютно ничего похожего на то, что я видел у себя в школе. Это меня очень увлекло. А потом, Евгений Борисович, я познакомился с вами и, как-то проявив себя, решая конкурсные задачи, заслужил то, что вы мне предложили перейти через класс. Это надо было сделать, поскольку я был в седьмом, а во Вторую школу принимали только в девятый класс. Я должен был сдать все за восьмой класс. Мне пошли навстречу, хотя ряд преподавателей потребовали, чтобы я сдал экзамены по всем предметам, которые только существуют. Кто-то мне шел навстречу, кто-то устраивал полноценные экзамены. Об этих временах я сейчас вспоминаю, как, возможно, о самой счастливой поре своей жизни.

Е.Д.: Но и потом были неплохие времена.

С.К.: Да. И тем не менее, это было что-то такое, что никогда не может повториться.

Е.Д.: Я помню, кто-то высказывал такое соображение, что это вредно для детей, когда их вырывают из нормального окружения, и они там чувствуют себя ...

С.К.: Может даже это я сказал. Это, конечно, обратная сторона перехода через класс и расставания со сверстниками. Лишние два года – в этом возрасте существенны. (Я и так был на год или полгода моложе многих сверстников, потому что пошел в школу не полных семи лет.) Однако баланс был, бесспорно, со знаком плюс и с перевесом в несколько порядков. Сейчас я думаю, что многое оборачивается своей положительной стороной. Бог знает, что бы было иначе - если бы я не расстался со своими одногодками.

Помню, как я поступил в университет – это было некое чудо, потому что я, сумев сдать экзамены по математике на две пятерки и воспользовавшись тем, что у меня была медаль, поступил как бы без больших усилий.

Е.Д.: Но это тоже оправдывает мою политику во Второй школе: дать как можно больше медалей.

С.К.: Да, да. Именно благодаря этой медали я столь легко поступил, когда, как я припоминаю, был двойной выпуск, полуторный только прием, конкурс был восемь человек на место. По письменной математике я имел пять. И было всего 50 пятерок на 750 принятых.

Е.Д.: Ну тебе еще повезло, что ты не еврей.

С.К.: Да, бесспорно. Но все-таки это был 66 год, и эта проблема была еще не столь остра как впоследствии.

Е.Д.: Вспомни, чем ты увлекался до поступления во Вторую школу.

С.К.: Я очень увлекался пиротехникой. Собралась компания, которая тоже очень любила это дело. Это были любопытные времена. Я мог прийти в магазин “рыболов-спортсмен» - вот такой мальчишка, на лице написано

сколько лет. Больше 12, наверное, не дашь. И я приходил и говорил: -“Мне, пожалуйста, пороху.” А меня спрашивали:- “Вам дымного или бездымного?” Я говорил: -“Мне, пожалуйста, бездымного”. И шел платить в кассу. Я не помню, сколько это стоило, но по моим тогдашним деньгам это было вполне доступно. То есть пороху я мог закупить не знаю сколько. А мои товарищи и какие-то мощные ракеты делали. Причем все начинки для ракет можно было купить в хозяйственном магазине.

Е.Д.: Ну а как вы развлекались во Второй школе?

С.К.: Было очень популярно устраивать футбол в аудиториях, в классах, в больших залах, в коридоре. Играли маленьким мячиком. По моему, стекла мы не били. Но на полу это сильно отражалось. И Владимир Федорович – директор – очень это не любил. Когда он появлялся в такие моменты - а это бывало - нам становилось неуютно. Раз мы попались во время занятий Вечерней математической школы. И преподаватели этой школы, к которым я принадлежал, (я в этот момент учился в 10-м классе и кружок вел, кажется, в восьмом) – то-есть я и мои одноклассники (тоже преподаватели) устроили веселый футбол. Не знаю, был ли . Владимир Федорович привлечен шумом или просто обходил помещения, но он появился и устроил нам большой тарарам. Мы прямо даже не знали, что делать, и с перепугу, позвонили, Евгений Борисович, вам. Может вы и помните.

Е.Д.: Конечно, нет.

С.К.: Вы нас, конечно, выручили. И наверно, не один раз выручали. Во всяком случае, он в следующий раз уже говорил с нами совсем в другом тоне –пожурил, но в существенно менее высоких тонах.

Е.Д.: Ну и как ты считаешь, сделал ли я большую ошибку, что заступился за этих озорников?

С.К.: Не думаю. Я не готов говорить за всех, но мне было достаточно. Он запугал меня тогда уже одним своим появлением. Я вообще был пугливый.И Владимира Федоровича я сейчас вспоминаю с самыми добрыми чувствами.

Е.Д.: Он был хороший человек и талантливый педагог и организатор.

С.К.: Как с педагогом, я с ним не сталкивался. Он не преподавал у нас. Но существование Второй школы – это не только его заслуга.

Е.Д.: Главным образом его.

С.К.: Для меня – это двойная заслуга: и ваша и его.

Е.Д.: Ну, меня привлек он. Конечно, я был к этому готов. Ты не знаешь, что он делает сейчас?

С.К.: Нет, не знаю. А еще я помню Леонида Михайловича Волова и его тоже вспоминаю с самыми теплыми чувствами. Действительно, он создал нам такую обстановку в классе, которую трудно забыть.

Е.Д.: У нас была такая теория, что детей надо нежить. Что их еще жизнь будет бить в будущем, но пока надо, чтобы они набрались душевных сил для сопротивления злу и понимания, что не всюду зло господствует. А теперь расскажи, что ты помнишь из университетского времени.

С.К.: Что-то помню, но только отрывками. Ну помню ваш семинар. Первая работа печатная появилась именно на этом семинаре. И о научном ее значении я не питаю никаких иллюзий.

Е.Д.: В Америке это не работает, а в России работало. Нужна спичка, чтобы зажечь факел, а потом он сам будет гореть. Что это было, кстати?

С.К.: А задача была такая. В простейшей форме: есть решетка на плоскости, и есть направление, в котором мы можем двигаться, вернее не направление, а вектора, по которым мы можем сдвинуться на один шаг. Мы двигаемся, пока не достигаем границы области. Достигнув границы, мы получаем некоторую плату.

Как описать все решения? Возникают какие-то уравнения ...

Е.Д.: И это было опубликовано?

С.К.: Да, совместно с Сережей Натанзоном. В Сибирском математическом журнале. И для меня и для него это была первая печатная работа.

Е.Д.: И это вас вдохновило?

С.К.: Да, это все воодушевляет. Насколько я помню, Сабир Гусейн-Заде сделал свою первую печатную работу, во всяком случае написал ее, будучи еще школьником.

Е.Д.: Ну хорошо, теперь скажи, как ты рассматриваешь настоящее начало своей карьеры научной.

С.К.: Это, конечно, первый год работы в ЦЭМИ. Я пришел туда после окончания университета.

Е.Д.: Были ли какие-нибудь сомнения, что надо лучше оставаться в аспирантуре МГУ.

С.К.: Нет. Если бы не ваше приглашение в ЦЭМИ, я не знаю, как бы жизнь моя сложилась дальше. Помню как вы вели семинар у себя дома, в маленькой уютной комнате, с такой крохотной доской величиной чуть больше телевизора.

Е.Д.: И там участвовал кто?

С.К.: Участвовал я, участвовал Сережа Пирогов, который в ЦЭМИ, правда, не работал, Игорь Евстигнеев, Миша Таксар. Да, еще Сережа Натанзон, который был в ЦЭМИ в аспирантуре. И вы прочитали нам небольшой курс по своей статье об эксцессивных функциях и включили в него кучу проблем, нерешенных задач. Я, в каком-то смысле, немножко по школьному относясь к нерешенным проблемам, считал ...

Е.Д.: что надо к следующей неделе. Да?

С.К.: Да, совершенно верно. Я решил, что к очередному заседанию должен эти проблемы немножечко посмотреть. Перед очередным семинаром я посмотрел эти проблемы, и вдруг неожиданно, одна проблема как бы поддалась. Это ведь так бывает, что какой-то решающий шаг придумывается в какой-то счастливый миг. А перед этим – ничего нет, и после может ничего не быть. И этот миг удалось поймать. Это было как раз построение марковского процесса со случайными моментами рождения и гибели.

Е.Д.: *Kuznetsov measures.*

С.К.: И, конечно, это название Kuznetsov measures, можно было бы и оспаривать. Исходный результат при ограничении, что полная мера конечна, это ваш. Мне удалось снять это ограничение. Именно это продвижение позволило охватить однородный случай.

Е.Д.: Правильно. И это наиболее важный случай, с которым все работают. Без этого шага никто бы не обратил внимания на исходный результат. Вспоминаются слова американского астронавта – первого человека на Луне: « Маленький шаг для одного человека – большой скачок для всего человечества».

С.К.: В каком - то смысле эту свою работу я считал бы первой, хотя формально она оказывается третьей. (Мы с Игорем Евстигнеевым еще что-то соорудили в студенческие годы. Но того я не помню, а это помню.) Это, пожалуй, был решающий шаг для всей моей последующей научной жизни.

Е.Д.: Но теперь хочешь или не хочешь, но может быть стоит рассказать о том трудном времени, когда я эмигрировал, и что там происходило. Я бы не стал тебя об этом спрашивать в старые времена, когда бы ты чувствовал, что, рассказывая об этом, ты ставишь под угрозу свою жизнь и жизнь своей семьи. К счастью сейчас это уже не так.

С.К.: Я бы все равно вам, наверное, рассказал, но пожалуй попросил бы ...

Е.Д.: не записывать это.

С.К.: Ну, если и записывать, то никому не показывать.

Е.Д.: Во-первых, ты меня провожал и Игорь Евстигнеев тоже. И я уверен, что вы перед этим ночь не спали и после пару ночей не спали.

С.К.: Нет, это было бы преувеличением. Хотя я действительно, колебался.

Е.Д.: И волновался. Я бы волновался.

С.К.: Не знаю. Как я сейчас вспоминаю, меня в те времена, как-то не очень волнения посещали после того, как решение было принято.

Е.Д.: Наверняка кто-нибудь говорил: не надо ставить свою карьеру под угрозу.

С.К.: Нет, пожалуй, так никто не говорил. Да я ни с кем это не обсуждал. Сперва я решил, что заранее попрощаюсь с вами, но потом подумал, что я этого себе не прощу, если не приеду в аэропорт. Это было 26-ого октября.

Е.Д.: То что – октябрь, я помню.

С.К.: И этот момент был для меня ключевым. То есть несколько раз после этого я ловил себя на том, что хочу снять трубку и позвонить вам.

Е.Д.: Ты мне писал – это было героическим подвигом. Я храню твои открытки.

С.К.: Не бог весть, какой героический подвиг, хотя я попросил вас, и довольно скоро, писать мне на домашний адрес. Это было вот чем вызвано. Я помню, вы прислали препринт своей статьи, и в него была вложена бумажка, такая записка о том как вы путешествовали и так далее. Порядок был такой: в институт почта приходит в иностранный отдел, там лежит, ты приходишь, за нее расписываешься.

Она уже вскрыта, как водится. На сей раз мне почту просто принесли в мою комнату. По моему Марек Дубсон, окруженный толпой, принес мне ее, открыл конверт, достал эту записку и сказал: «Вот это все ты не читай, а читай сразу вот это». И показывал на последний абзац. И я понял, что то, что вы мне написали, читало я уж не знаю сколько людей, читали люди, про которых я не хотел, чтобы они читали нашу с вами переписку. После этого я попросил вас писать мне на домашний адрес. И ваши письма очень аккуратно до меня доходили. Я даже посылал вам книги, я не скажу – долгое время, но некоторое время, до тех пор пока не изменили порядок отправки книг за границу. На каждую отправляемую книгу нужно было получать разрешение от Ленинской библиотеки. Это уже как-то было больше, чем я в этот момент мог вынести. А так в общем все было очень мило. Я печатал свои статьи в “Теории вероятностей”, которая не требовала акта экспертизы. Акт экспертизы мне никто бы не подписал, как я сейчас понимаю. А если я пытался печататься не в “Теории вероятностей”, то конечно, сослаться на вас было невозможно. И был придуман такой обходной вариант. Я писал там такую фразу, что мы не претендуем на полноту библиографии, а полную библиографию смотри там-то. В “Теории вероятностей”, например. И все это было ничего до тех пор, пока я не дошел до защиты докторской диссертации. По существующим правилам ...

Е.Д.: По существовавшим правилам, слава Богу.

С.К.: Между прочим, я не знаю, отменил ли их кто-нибудь. Я защищался в Вильнюском университете. В ЦЭМИ никакого совета по математике не было.

Е.Д.: В Москве был Розанов.

С.К.: Да. Хотя Розанов достаточно в тот момент ко мне благоволил. Он был в дружеских отношениях с Айвазяном. (Айвазян мне тоже благоприятствовал в тот момент.) И кроме того, Розанов как бы мне задолжал, потому что я редактировал его книжку по Марковским случайным полям. Как бы блюдя табель о рангах, я спросил Розанова о моей защите. Что он советует. И он мне предложил защищаться либо в Московском, либо в Киевском университетах. Я этот совет пропустил мимо ушей, а послушал Ширяева, который мне сказал, что надо защищаться в Вильнюсе. Он сказал, что если хотите, мол, то пробуйте, но я вам не советую. Но проблема была в том, что мне надо было пройти, в числе прочих эпизодов, предзащиту в родном своем институте и получить там акт экспертизы на диссертацию. (Без этого акта мне бы никто не подписал протокол о предзащите. А еще надо было, чтобы все основные результаты были опубликованы.)

Е.Д.: И ты не мог напечататься, скажем, в *Annals of Probability*...

С.К.: Нет не мог, конечно. Я напечатался вместо этого в ВИНИТИ, в серии “Современные проблемы математики”. Но это издание требует акт экспертизы. А экспертная комиссия прекрасно знает фамилию Дынкин. Я подаю туда свои бумаги.

Е.Д.: Это в ЦЭМИ?

С.К.: Естественно – в ЦЭМИ.

Е.Д.: Ты можешь разоблачить имена?

С.К.: Да, честно говоря, я их не очень помню. Секретарь экспертной комиссии, это лицо, я думаю, абсолютное второстепенное, некая Нина Максимовна, даже фамилии я ее не помню, которая выполняла роль техническую. А кто ж стоял за этой компанией, я так и не знаю. Был формальный председатель комиссии, по моему в тот момент это был Шаркович. Понимаете, в экспертной комиссии были совершенно разные

люди. Скажем, лет пять после защиты и я даже числился в этой комиссии, и мне присылали какие-то статьи. Я подписывал, что все там можно печатать. Формально, я должен был ознакомиться с какой-то инструкцией в первом отделе. Но это уже был 87 год – началась перестройка. Акт экспертизы еще существовал, но правила, которые его регламентировали, видимо претерпели какие-то послабления. Я ничего не читал, ни с чем не знакомился. Я просто подписывал эти бумажки. И никакими вычеркиваниями при мне эта комиссия уже не занималась. А тогда, видимо, были другие инструкции, хотя непонятно, в чем они состояли. Короче говоря, комиссия мою книжку тогда завернула. И после каких-то полубовных соглашений между собой они пришли к довольно нелепому варианту, при котором они мне подписали акт экспертизы на книгу. Ссылки на ваши работы были вычеркнуты наполовину. Я ссылался не на статью, допустим, Дынкин; Успехи мат. наук; страницы такие-то, а я ссылался просто на Успехи мат. наук, такие-то страницы. В таком виде акт экспертизы был подписан. Причем делалось все это очень серьезно. Мне был вручен экземпляр, который оставался на хранение в экспертной комиссии, и я на каждой строчке, где произошло какое-то вычеркивание, расписался. То есть, они меня могли припереть. Я принес это в ВИНТИ, показал, сказал, что акт экспертизы мне подписали только на этих условиях. Они сказали, что это какая-то глупость: мы восстановим. Я ответил: “Пожалуйста. Я вам принес оригинальный список литературы, чтобы вам не мучиться.” Они у меня взяли этот оригинальный список. Так книжка и вышла.

Е.Д.: И там кажется все нормально.

С.К.: Спустя несколько месяцев я принес туда диссертацию, и та же история повторилась с самого начала.

Е.Д.: Принес куда?

С.К.: В экспертную комиссию ЦЭМИ. Причем начальника первого отдела в это момент не было на работе. Он был где-то на отдыхе. И это было плохо, потому что он на самом деле человек был не такой плохой - Николай Николаевич Братченко, из полковников каких-то бывших. Он сочувствовал мне и никаких специальных гадостей не чинил. А замещал его человек, который всего боялся. Вся эта история повторилась на полную катушку. В предыдущей истории Братченко принял решение сам и разрешил подписать акт. На сей раз никто на себя решения брать не хотел. В эту историю влезли все, кому не лень – в том числе некий Маренич, тогдашний председатель

месткома. И с подачи его (не знаю, может быть я напраслину на него возвожу) история, обсуждавшаяся на самых разных этажах ЦЭМИ, в какой-то момент ушла из ЦЭМИ в ЦК. Это был для меня удар. Как это произошло, я знаю со слов Айвазяна, который, я думаю, искренне мне тогда помогал. С его слов это было так. История обсуждалась в кулуарах какого-то партийного собрания. А на партийном собрании присутствует инструктор ЦК, который прикреплен от ЦК к институту. И вот в ходе обсуждения, кто-то, вроде бы Маренич, сказал, а почему бы не спросить мнение инструктора ЦК. Это был некий Иванов. Не знаю, как его звали. И он сказал, что должен посоветоваться. Забрал диссертацию. Понятно, как он скажет, так и будет. И совершенно неожиданно, через неделю он вернул диссертацию с разрешением защищаться. Я был приглашен на заседание экспертной комиссии, услышал совершенно другие вещи, которые от них никогда раньше никто не слышал: официально можно ссылаться на все, что есть в Ленинской библиотеке в открытом доступе. Вот вы мол проверьте, что это есть в открытом доступе, и ссылайтесь. Но все равно экземпляр диссертации у меня забрали, и еще заставили меня вычеркнуть вашу фамилию из преамбулы к диссертации.

С.К.: Нелепо, но так было. Я не стал ничего проверять в Ленинской библиотеке, честно признаюсь.

Е.Д.: Решили закрыть Америку. Как там у Алексея Константиновича Толстого:

Брось же, Миша, устрашенья,
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой. (*)

**Послание о дарвинизме к М.Н. Лонгинову – начальнику Главного управления по делам печати в годы 1871-1875.) [Примечание, добавленное в 2010 году.]*